

Джекобу — моему мужу и лучшему другу

Благодарности

Сердечно благодарю Эмили Бестлер за деликатное и вдумчивое редактирование; Дэвида Баумена — за исчерпывающие сведения о русской мафии; трансплантационных координаторов Сьюзен Пратт из медицинского центра Пенобскот-Бей и Брюса Уайта из медицинского центра штата Мэн — за сведения по донорству органов и тканей; Пэтти Канн — за помощь в поиске данных на компьютере медицинской библиотеки; Джона Сарджента из Рокланда, штат Мэн, — за ценную информацию по части замков, а также Роджера Пеппера — за отправку мне материалов исследования.

И конечно же, огромное спасибо Мэг Рули и Дону Клири из агентства Джейн Ротроузен. Благодаря вам этот роман увидел свет.

Для своих лет он был коротышкой, заметно уступал ростом остальным ребятам, попрошайничавшим в подземных переходах возле метро «Арбатская». Но уже в одиннадцать он делал то же, что и они. Курить начал четырьмя годами ранее, подворовывать — тремя. А пару лет назад он впервые дал мужику — из тех, что пользуют мальчиков. Этот род занятий Якову не нравился, но дядя Миша велел ему не ломаться и не капризничать. Иначе на что они будут покупать хлеб и сигареты? Среди подопечных дяди Миши Яков был не только самым низкорослым. Он был еще и блондином, а дяди-Мишиным клиентам очень нравились светловолосые малолетки. Они даже не замечали, что у Якова нет левой руки. Просто не обращали внимания на сморщенную культу. Клиентов очаровывали его маленький рост, светлые волосы и решительный взгляд синих глаз.

Яков мечтал поскорее распрощаться с этим ремеслом и, подобно мальчишкам постарше, зарабатывать «облегчением» карманов. Каждое утро, просыпаясь в квартире дяди Миши, и каждый вечер, прежде чем уснуть, он хватался своей единственной рукой за изголовье кровати и тянулся, тянулся в надежде вырасти хотя бы на несколько миллиметров. Дядя Миша советовал ему бросить это бесполезное занятие. Яков был из породы низкорослых, и тут уж ничего не изменишь.

Женщина, которая семь лет назад оставила его наедине с громадной Москвой, тоже была низенькой. Яков едва помнил эту женщину и ничего не помнил из своей прежней домосковской жизни. Он знал лишь то, что рассказывал ему дядя Миша, но рассказам этим верил наполовину. В своем нежном возрасте Яков отличался не только маленьким ростом, но и достаточной житейской мудростью.

Вот и сейчас с присущим ему скептицизмом мальчишка поглядывал на мужчину и женщину, которые вместе с дядей Мишей сидели за обеденным столом и говорили о делах.

Эта парочка приехала на большой черной машине с тонированными стеклами. Мужчину звали Грегором. Он был в костюме с галстуком. На ногах — ботинки из натуральной кожи. Светловолосую женщину звали Надией. Ее одежда состояла из шерстяной юбки и дорожного шерстяного жакета. В руках она держала крепкого вида чемоданчик-дипломат. Надия была нерусская. Это поняли все обитатели квартиры. Наверное, американка. Или англичанка. По-русски она говорила хорошо, но с акцентом.

Пока мужчины за рюмкой водки обсуждали дела, женщина разглядывала тесную квартирку дяди Миши. Старые армейские койки, стоящие у стены, груды грязного постельного белья и четырех мальчишек, сбившихся в кучку. Все они молча и настороженно прислушивались к разговору взрослых. Надия поочередно обвела взглядом всех четверых. Глаза у нее были красивые, светло-серого цвета. Первым ее взгляда удостоился самый старший — пятнадцатилетний Петр. Затем настал черед тринадцатилетнего Степана и десятилетнего Алексея.

Наконец она посмотрела на Якова.

Яков привык, что взрослые пристально разглядывают его, и потому спокойно смотрел на иностранку.

К чему он не привык — так это к мимолетности внимания. Обычно приходившие сюда почти не смотрели на других мальчишек. Но сейчас внимание Надии было приковано к долговязому прыщавому Петру.

— Михаил Исаевич, вы приняли правильное решение, — сказала она дяде Мише. — Здесь у этих ребят нет будущего. А мы даем им такой редкий шанс!

Она улыбнулась мальчишкам.

Олух Степан тоже ей улыбнулся, будто влюбленный идиот.

— Они ж по-английски не брешут, — ответил дядя Миша. — Только отдельные слова знают.

— Дети быстро овладевают чужим языком. Им это дается без усилий.

— Все равно им понадобится какое-то время. И на язык, и к чужой еде привыкнуть.

— Наше агентство хорошо знакомо с особенностями переходного периода. Мы имеем опыт работы с русскими детьми. С такими же сиротами, как эти. Некоторое время они пробудут в специальной школе и приспособятся к новой жизни.

— А если не смогут?

— Иногда бывает и такое, — помолчав, ответила Надия. — Возникают трудности эмоционального характера.

Она снова обвела взглядом четверых подопечных дяди Миши.

— Кто-то из них вас особо беспокоит? — спросила Надия.

Яков прекрасно понимал, что речь о нем. Это он редко смеялся и никогда не плакал. Дядя Миша прозвал его «каменным малышом». Яков сам не знал, почему из него не выливаются слезы. Остальные мальчишки, стоило им пораниться или получить тумачков, распускали нюни. Яков в таких случаях просто выключал разум. Его разум становился похож на экран

телевизора, когда поздно вечером прекращались передачи. Ни картинок, ни звуков, только успокаивающий белый шум.

— Они все хорошие ребята. Просто отличные ребята, — сказал дядя Миша.

Яков посмотрел на трех других парней. У Петьки был нависающий лоб и плечи, вывернутые вперед, как у гориллы. У Степки между маленькими сморщенными ушами помещался мозг размером с грецкий орех. Алешка до сих пор сосал палец.

«А я? — подумал Яков, глядя на свой жалкий обрубок. — У меня всего одна рука. Чего это мы у дяди Миши такие отличные?»

Однако тот продолжал нахвалить своих питомцев. Иностранка согласно кивала. Да, прекрасные ребята. Здоровые ребята.

— У них даже зубы хорошие! — подчеркнул дядя Миша. — Гнилых совсем нет. Вы на моего Петьку посмотрите. Какой рослый.

— А вот этот заморыш какой-то, — сказал Грегор, указывая на Якова. — Что случилось у него с рукой?

— Родился таким.

— Из-за радиации?

— Ему это ничуть не мешает, — не отвечая на вопрос, сказал дядя Миша. — Он и одной управляет.

— Это не станет проблемой. — Надия поднялась. — А теперь мы должны ехать. Пора.

— Уже?

— У нас плотный график.

— Но... одежонку собрать...

— Наше агентство снабдит их одеждой. Получше, чем та, что на них сейчас.

— Неужели ехать нужно так срочно? Вы нам и проститься не дадите?

В глазах женщины мелькнуло раздражение.

— Прощайтесь, только недолго. Мы не хотим выбиться из графика.

Дядя Миша оглядел своих мальчишек, связанных с ним отнюдь не кровными узами и даже не любовью. Их свела взаимозависимость. Общность потребностей. Дядя Миша обнял каждого из четверых. Якова он обнимал чуть дольше и чуть крепче. От дяди Миши привычно пахло луком и сигаретами. Хорошие запахи. Однако Якову захотелось поскорее высвободиться. Он не любил, когда его трогают. Кто бы то ни был.

— Помни своего дядю Мишу, — шептал ему хозяин тесной квартирки. — Когда разбогатеешь в Америке, не забывай того, кто о тебе заботился.

— Я не хочу в Америку, — сказал Яков.

— Так это ж лучше и для тебя, и для других сорванцов.

— Они пусть едут, а я хочу остаться здесь. Дядя Миша, я хочу остаться с тобой.

— Надо ехать.

— Почему?

— Потому что я так решил. — Дядя Миша схватил Якова за плечи и хорошенько встряхнул. — Я так решил.

Яков взглянул на ребят. Те радостно скалились.

«Они счастливы, — подумал он. — Чего ж я не радуюсь?»

— Я отведу детей в машину, — сказала Надия, беря Якова за руку. — А вы с Грегором подпишите документы.

— Дядя Миша! — окликнул Яков.

Но Михаил Исаевич стоял к нему спиной и смотрел в окно.

Надия вывела мальчишек на лестничную площадку, и они стремглав понеслись с четвертого этажа на улицу, вкладывая в спуск всю свою неукротимую энер-

гию. Их стоптанные ботинки гулко стучали по ступенькам. Хорошо, что на лестнице было пусто.

Уже на первом Алешка вдруг застыл.

— Я Шу-Шу забыл! — крикнул он и метнулся к лестнице.

— Вернись! — потребовала Надия. — Не смей подниматься наверх!

— Я ее там не оставляю!

— Я кому сказала, вернись! — прикрикнула на него Надия.

Но Алексей уже бежал вверх. Надия приготовилась броситься вдогонку, когда Петр сказал:

— Алешка без Шу-Шу все равно не поедет.

— Что еще за чертова Шу-Шу? — сердито спросила иностранка.

— Плюшевая собачонка. Алешка ее везде с собой таскает.

Женщина встала возле лестничного пролета и задрала голову. Алексей был уже на четвертом этаже. В глазах Надии мелькнуло нечто, чего Яков не понял.

Настороженность, что ли?

Казалось, Надия не знала, бежать вслед за Алешкой или плюнуть на него. Когда на четвертом этаже хлопнула дверь и вниз чуть ли не кубарем скатился этот малолетний дурень, радостно сжимая в руках старую засаленную мягкую игрушку, женщина чуть в обморок не упала от облегчения.

— Вот она! — радостно бормотал мальчишка, обнимая свое грязное сокровище.

— Теперь идемте! — приказала Надия, открывая дверь.

Все четверо втиснулись на заднее сиденье машины. Яков оказался почти что на коленях у Петра.

— Обязательно свою костлявую задницу на меня класть? — проворчал Петр. — Подвинься.

— Куда? Тебе на морду?

Петр пихнул его локтем. Яков в долгу не остался.

— А ну прекратите! — прикрикнула с переднего сиденья Надия. — Ведите себя прилично.

— Нам тут тесно, — пожаловался Петр.

— Ничего, устройтесь. И сидите тихо!

Надия все время смотрела на дом. На окна дяди-Мишиной квартиры.

— Почему не едем? — спросил нетерпеливый Алешка.

— Грегор подписывает документы.

— И долго еще?

— Недолго, — ответила Надия, откидываясь на спинку сиденья и глядя перед собой.

«Уф, пронесло», — подумал Грегор, когда за обрадованным Алешкой вторично закрылась дверь.

Появись этот маленький придурок чуть позже, тут бы такое замутилось. Надия дура, что ли? Не могла удержать пацана? Грегор с самого начала был против ее участия, однако Рейбен настоял. Сказал, что женщины вызывают доверие.

Топот Алешкиных ног становился все тише. Потом хлопнула дверь парадной. Тогда Грегор повернулся к сутенеру.

Дядя Миша стоял у окна и смотрел на улицу, на черную машину, в которой сидели его питомцы. Растопыренная ладонь с жирными пальцами елозила по стеклу. Дядя Миша все еще прощался с мальчишками. В его глазах стояли слезы.

Однако первые слова дяди Миши были не о мальчишках, а о деньгах.

— В дипломате?

— Да, — ответил Грегор.

— Вся сумма?

— Двадцать тысяч американских долларов. По пять тысяч за каждого ребенка. Вы же согласились на эту цену.

— Да, — вздохнул дядя Миша, проводя рукой по своему морщинистому лицу.

Морщины были не столько признаком возраста, сколько результатом сильного пристрастия Михаила Исаевича к водке и сигаретам.

— Они попадут в хорошие семьи?

— Надя позаботится об этом. Вы же знаете, она любит детей. Потому и выбрала такую работу.

— Может, она и мне подберет хорошую американскую семейку? — Он выдавил жалкую улыбку.

Грегору пришлось взять его за плечи и отвернуть от окна.

— Не тяните время. Вот деньги. Если хотите, пересчитайте.

Дядя Миша щелкнул замком, открыл крышку. Внутри лежали аккуратные пачки американских долларов. Двадцать тысяч. Сумма, которой ему с лихвой хватит, чтобы утопить в водке собственную печень.

«Дешево же в наши дни стоит человеческая душа», — подумал Грегор.

На улицах новой России можно было купить что угодно. Ящик израильских апельсинов, американский телевизор, женские ласки. Возможности повсюду — умей лишь копнуть и воспользоваться. Сметливые и талантливые пользовались.

Дядя Миша смотрел на деньги, на свои деньги, но во взгляде не было ликования. Наоборот. Пачки купюр вызывали у него неприязнь, если не отвращение. Он защелкнул крышку дипломата и стоял, склонив голову и упираясь руками в прочный черный пластик.

Грегор встал у дяди Миши за спиной, достал автоматический пистолет с глушителем и дважды выстрелил сутенеру в голову.

Дальнюю стену забрызгало кровью и серым веществом. Дядя Миша ничком повалился на пол, увлекая за собой столик. Черный чемоданчик тоже упал, глухо стукнувшись о покрытый ковром пол.

Грегор торопливо схватил дипломат, пока тот не залило кровью. Ошметками дяди-Мишиных мозгов забрызгало боковую стенку. Грегор дернул дверь туалета, оторвал кусок туалетной бумаги и тщательно вытер пластик. Бумагу скомкал и спустил в унитаз. Затем вернулся в комнату, где лежал дядя Миша. Лужица крови успела превратиться в лужу и пропитать вторую ковровую дорожку.

Грегор еще раз оглядел комнату. Работа сделана, улик нет. Его подмывало забрать с собой недопитую бутылку водки, но он удержался. Мелкота пристанет с вопросами. Ведь водку выставил их дядя Миша. Грегору не хватало терпения отвечать на вопросы мальчишек. Разговоры с ними — забота Надии.

Он защелкнул входную дверь и спустился вниз.

Надия с ребятней ждали его в машине. Грегор открыл дверцу и нырнул на водительское сиденье. Надия посмотрела на него. В ее глазах ясно читался вопрос.

— Все бумаги подписаны? — уточнила она.

— Да. Все без исключения.

Надия откинулась на спинку сиденья. Она вздохнула громко и с явным облегчением. Грегор завел мотор. «Не годится эта баба для таких дел», — подумал он.

Что бы там Рейбен ни болтал, но Надия только мешала.

На заднем сиденье шумно возились. Грегор взглянул в зеркало. Мальчишки всю толкались и пихались. Все, кроме самого маленького. Яков смотрел прямо перед собой. Их глаза встретились, и у Грегора возникло неприятное чувство. Ему показалось, что на него

смотрят глаза взрослого человека, неизвестно как оказавшиеся на детском лице.

Потом Яков повернулся и ударил соседа в плечо. Возня стала еще шумнее. В воздухе замелькали мальчишечьи руки.

— Ведите себя прилично! — прикрикнула Надия. — Нам далеко ехать. В Ригу.

Мальчишки уgomонились. Ненадолго на заднем сиденье стало тихо. Потом в зеркале заднего обзора Грегор увидел, как паренек со взрослыми глазами локтем двинул соседу под ребра.

Грегор улыбнулся и подумал, что беспокоиться нет причин. Дети как дети.

Время перевалило за полночь. Карен Террио вела две битвы сразу: со своими глазами, заставляя их не закрыться, и с собой, заставляя себя ехать дальше.

Большую часть двух последних дней Карен провела за рулем. Она уехала сразу после похорон тети Дороти и с тех пор почти безостановочно добиралась домой. Останавливалась она лишь, чтобы удовлетворить потребности организма — немного вздремнуть, проглотить гамбургер и влить в себя очередную чашку кофе. Она не считала чашки, но их было много. Очень много. Воспоминания о похоронах тетки успели потускнеть и превратиться в цепь разрозненных эпизодов двухдневной давности. Увядающие гладиолусы. Родственники, чьих имен она не помнила. Черствые сэндвичи. И обязательства. Чертова пропасть родственных обязательств.

Сейчас Карен хотела только одного: добраться домой.

Она знала, что нельзя испытывать организм на прочность. Разумнее всего было бы съехать на обочину и полчаса подремать. Но от Бостона ее отделяли всего пятьдесят миль. В последний раз она остановилась возле закусочной «Данкин донатс» и выпила три чашки кофе. Это немного помогло, дав ей сил продержаться от Спрингфилда до Стербриджа. Однако действие кофеина ослабевало. Карен могла убеждать себя, что бодрствует, но то и дело клевала носом. Более того, на какую-то секунду она даже заснула за рулем.

Впереди показалась неоновая вывеска закусочной «Бургер кинг». Карен свернула с шоссе.

Войдя в закусочную, она заказала кофе, маффин с черникой и села за ближайший столик. Свободных мест в это время суток было предостаточно. Посетителей было немного, и выглядели они одинаково. У всех были не лица, а бледные маски, олицетворяющие крайнее утомление.

«Призраки шоссе», — подумала Карен.

Ночью их встретишь в каждой придорожной закусочной. В зале было неестественно тихо. Как и Карен, эти люди старались не поддаваться сну, чтобы снова сесть за руль.

За соседним столиком сидела удрученного вида женщина с двумя малолетними детьми. Дети тихо и сосредоточенно жевали печенье. Светловолосые, хорошо воспитанные детишки. Карен сразу подумала о своих дочерях-близняшках. Завтра у них день рождения, а сейчас они крепко спят. Завтра обеим исполнится тринадцать. Еще на год дальше от детства.

«Когда вы проснетесь, я уже буду дома».

Она взяла вторую чашку кофе, защелкнула пластиковую крышку и вернулась к своей машине.

В голове прояснилось. Она одолеет остаток расстояния. Всего пятьдесят миль. Еще какой-нибудь час, и она войдет к себе домой. Карен включила двигатель и вырулила со стоянки.

«Пятьдесят миль, — думала она. — Всего-то пятьдесят миль».

А в двадцати милях от места, где в тот момент находилась Карен, в машине, припаркованной возле магазина «Севен-илевен»¹, Винс Лори и Чак Сервис при-

¹ Сеть магазинов шаговой доступности. Особенно популярна на автострадах. — *Здесь и далее прим. перев.*

канчивали последние пять банок пива. Пили они уже четыре часа подряд, устроив маленькое дружеское состязание. Победит тот, кто одолеет больше жестянок пива «Бад» и при этом не блеванет. Чак был впереди на одну банку. Счет выпитому они давно потеряли. Точное количество они узнают завтра, когда подсчитают пустые банки, высившиеся двумя горками на заднем сиденье.

Но Чак безусловно был впереди. Мало того, он еще всю хвастался этим, что сильно злило Винса. Чак всегда и во всем его опережал. Винс считал их состязание нечестным. Он мог бы взять реванш, однако кончилось пиво. Чак меж тем нагло ухмылялся, хотя прекрасно знал, что приобрел фору нечестным путем.

Винс толкнул дверцу и выбрался с водительского сиденья наружу.

- Куда собрался? — спросил Чак.
- Возьму еще пивка.
- В тебя больше не влезет.
- Мне лучше знать! — огрызнулся Винс.

Пошатываясь, он двинулся через стоянку к двери «Север-илевен».

— Ты даже идти не можешь! — со смехом крикнул ему Чак.

«Придурок!» — зло подумал Винс.

Пусть этот долбаный Чак не врет: он прекрасно может идти. Вот, уже дошел до двери. Сейчас он войдет в магазин, возьмет две упаковки «Бада»... Нет, даже три. Он спокойно выпьет все три. Желудок у него железный, только отливать постоянно требует. А во всем остальном — полный о'кей.

У входа Винс споткнулся. Да за такие высоченные пороги судить нужно! Главное, он устоял на ногах. Подойдя к шкафу-холодильнику, Винс достал три шестибаночных упаковки пива. Балансируя с ними в про-

ходе, он доковылял до стойки и бросил кассиру двадцатидолларовую бумажку.

Продавец посмотрел на деньги и покачал головой.

— Не могу взять, — сказал он.

— Что значит, не можешь взять?

— Я не имею права продавать пиво нетрезвым покупателям.

— Хочешь сказать, я пьян?

— Совершенно верно.

— Видишь эту бумажку? Целых двадцать долларов. И не хочешь обменять ее на пиво?

— Я не хочу отвечать за нарушение правил. Так что, сынок, верни-ка пиво на место и лучше возьми чашку кофе. И хот-дог.

— Да не нужны мне твои вонючие хот-доги!

— Тогда, парень, на выход шагом марш.

Винс швырнул одну упаковку на прилавок, но не рассчитал бросок. Картонка скользнула вниз и шлепнулась на пол. Винс хотел было проделать то же самое со второй упаковкой, но кассир достал пистолет. Винс удивленно разинул рот. Его рука застыла в воздухе.

— Пошел вон из магазина! — потребовал кассир.

— О'кей, — пробормотал Винс, послушно поднимая руки. — Как скажете...

Он покинул магазин, снова споткнувшись на пороге.

— И где пиво? — спросил Чак, когда Винс плюхнулся на водительское сиденье.

— Кончилось.

— Быть не может, чтобы у них кончилось пиво.

— А я тебе говорю, кончилось. Понял?

Винс завел двигатель и надавил на акселератор. Машина рванула со стоянки.

— И куда мы теперь едем? — поинтересовался Чак.

— Искать другой магазин, — сощурившись, ответил Винс. — Слушай, где тут пандус? Должен быть где-то здесь.

— Парень, хватит подвигов. Пиво в тебя уже не лезет. После первого же глотка ты уделаешь весь салон.

— Я спрашиваю, где этот долбаный пандус?

— Думаю, ты его уже проскочил.

— Ошибаешься.

Винс крутанул руль влево. Шины с визгом переваляли через поребрик.

— Послушай... Я тебе серьезно говорю.

— У меня есть целых двадцать долларов. И кому-то они нужны. Кто-то их возьмет.

— Винс, ты едешь не той дорогой!

— Чего?

— Ты едешь не той дорогой! — крикнул Чак.

Винс мотнул головой и попытался сосредоточиться на дороге, но фонари слишком ярко светили ему прямо в лицо, слепя глаза. С каждой секундой они почему-то становились все ярче.

— Сворачивай вправо! — заорал Чак. — Это же машина! Вправо сворачивай!

Винс повернул вправо. Огни тоже.

Потом он услышал крик... жуткий, незнакомый голос.

Не крик Чака. Его собственный.

Доктор Эбби Ди Маттео не просто устала. Она дико, нечеловечески устала — так, как еще никогда в жизни не уставала. Она провела на ногах двадцать девять часов подряд, и это было более чем заметно. Десять минут, которые ей удалось подремать в комнате ожидания рентгеновского кабинета, — не в счет.

Моя руки в реанимации хирургического отделения, Эбби глянула в зеркало и поморщилась. На нее смотрела изможденная женщина. Круги под глазами (почти под цвет глаз), нечесанные черные волосы, превратившиеся в спутанную гриву. Десять часов утра. Ей бы

душ принять. Куда там! Даже зубы не чистила. Ее завтрак состоял из яйца вкрутую и чашки сладкого кофе. Спасибо хирургической сестре, позаботилась о ней. Ланч представлялся Эбби великим счастьем. А уж уйти из клиники в пять и к шести добраться домой — это вообще было бы запредельным блаженством. Даже просто посидеть на стуле казалось ей роскошью.

Но попробуй посиди во время понедельничного утреннего обхода! Особенно если его проводит доктор Колин Уэттиг — руководитель хирургической ординатуры клиники Бейсайд. В армии он был генералом медицинской службы и отличался тем, что любил задавать неожиданные и порою беспощадные вопросы, требуя четких, обоснованных ответов. За глаза его так и звали — Генералом. Эбби боялась Генерала. И не только она. Генерала боялись все ординаторы.

Сейчас в реанимации хирургического отделения собралось одиннадцать ординаторов. Они стояли полукругом. Одни были в белых халатах, другие — в зеленых хирургических костюмах. Все внимательно смотрели на руководителя, зная, что каждый из них в любой момент может подвергнуться допросу с пристрастием. Оплошать с ответом означало обречь себя на длительное унижение. У Генерала оно имело личностную окраску.

Группа уже побывала у коек послеоперационных больных, где обсуждала лечебные планы и прогнозы. Теперь все стояли возле койки № 11, где лежала новая пациентка, порученная заботам Эбби. Генерал и коллеги-ординаторы ждали от нее подробностей истории болезни.

Планшет с записями, который Эбби держала в руке, ей не требовался. Историю болезни она читала по памяти, глядя в не улыбочивое лицо Генерала.

— Возраст пациентки — тридцать четыре года. Белая. Поступила сегодня в час ночи. Передана нам трав-

матологической службой. Лобовое столкновение на девяностой трассе. Автомобиль пациентки двигался с большой скоростью. На месте катастрофы пациентке была проведена интубация и ряд необходимых действий по стабилизации состояния, после чего вертолетом ее доставили в нашу клинику. В отделении неотложной помощи у пациентки были выявлены множественные травмы. Среди них — сложный и вдавленный переломы черепа, перелом левой ключицы и плечевой кости, а также множественные ранения лица. Согласно первичному осмотру, произведенному мною, пациентка относится к типу упитанных женщин среднего телосложения. В настоящий момент пациентка не проявляет реакций ни на какие раздражители, за исключением постуральных, вызывающих у меня сомнение...

— Значит, у вас они вызывают сомнение? — спросил доктор Уэттиг. — Как прикажете это понимать? Постуральные реакции либо есть, либо нет. Вот я и хочу знать: они у пациентки есть или нет?

У Эбби колотилось сердце. Черт, Генерал уже к ней прицепился. Проглотив слюну, она ответила:

— Иногда конечности пациентки сокращаются в ответ на болезненные раздражители. А иногда... нет.

— На чем основана ваша интерпретация? Чем вы измеряли двигательные реакции? Вы использовали шкалу Глазго для определения глубины комы?

— Поскольку нулевая реакция оценивается единицей, а наличие постуральных реакций — двойкой, у пациентки этот показатель равняется... полутора.

Ординаторы сдержанно засмеялись.

— На шкале Глазго нет показателя со значением полтора, — заметил доктор Уэттиг.

— Мне это известно, — пробормотала Эбби. — Но состояние пациентки не соответствует целым значениям...

— Продолжайте отчет, — перебил ее Генерал.

Эбби перевела дыхание, оглядев своих коллег-ординаторов. Неужели она уже испортила себе репутацию? Времени на мысленный анализ сказанного у нее не было. Надо продолжать.

— Основные показатели пациентки: давление — девяносто на шестьдесят, пульс — сто ударов в минуту. Как я уже говорила, ей сделали интубацию. Спонтанное дыхание отсутствует. Дыхание полностью обеспечивается за счет механической вентиляции легких со скоростью двадцати пяти вдохов в минуту.

— Почему выбрали такую скорость?

— Для поддержания легких пациентки в состоянии гипервентиляции.

— Зачем?

— Чтобы понизить содержание углекислоты в ее крови и тем самым свести к минимуму отек мозга.

— Продолжайте.

— Как я уже говорила, осмотр головы выявил сложные и вдавленные переломы черепа левой теменной и левой височной областей. Наличие сильных припухлостей и ран на лице затруднило осмотр лица и выявление возможных переломов лицевых костей. Зрачки пациентки находятся в среднем положении. Реакция отсутствует. Ее нос и горло...

— А окулоцефалические рефлексy?

— Я их не проверяла.

— Не проверяли?

— Нет, сэр. Не хотела трогать шею пациентки из-за возможного вывиха позвоночника.

Легкий кивок Генерала свидетельствовал, что ее ответ принят.

Эбби принялась описывать состояние отдельных органов пациентки. Дыхание — нормальное. Сердце — без видимых патологий. Живот мягкий. Доктор Уэттинг ее не перебивал. К концу рассказа о неврологическом осмотре жертвы ДТП Эбби говорила уверен-

нее, даже с вызовом. А почему она должна робеть? Она же хорошо знает свое дело.

— И каковы были ваши впечатления перед тем, как вы увидели рентгенограммы? — спросил доктор Уэттиг.

— Среднее положение зрачков и отсутствие реакции, — начала Эбби, — позволяют говорить о возможном сдавлении среднего мозга. Вероятнее всего, вследствие субдуральной или эпидуральной гематомы.

Эбби помолчала и уже с тихой, но явной уверенностью в голосе продолжила:

— Это подтверждается данными компьютерной томографии. Выявлена обширная левосторонняя субдуральная гематома со значительным линейным смещением. Для удаления сгустков нам пришлось обратиться к нейрохирургам.

— Итак, доктор Ди Маттео, вы утверждаете, что ваши первоначальные впечатления полностью подтвердились?

Эбби кивнула.

— А теперь посмотрим, каково состояние пациентки на данный момент, — сказал доктор Уэттиг, подходя к койке.

Ручкой-фонариком он осветил в глаза пациентки.

— Зрачки не реагируют, — сказал Генерал.

Костяшками пальцев он сильно нажал на грудину. И снова — никакой реакции. Тело пациентки даже не шевельнулось.

— Реакции на боль также нет. Ни постуральных, ни каких-либо иных реакций.

Все ординаторы вплотную окружили койку, но Эбби осталась стоять в ногах пациентки, внимательно глядя на забинтованную голову. Пока доктор Уэттиг проводил осмотр: стучал резиновым молоточком по сухожилиям, сгибал пациентке локти и колени, Эбби чувствовала, как на нее вновь наваливается усталость.

Литературно-художественное издание

ТЕСС ГЕРРИТСЕН
ЖАТВА

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Редактор Ольга Дервенева
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Нины Шабуниной
Корректоры Валентина Гончар, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.08.2019. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 21,15. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-MBD-18488-05-R